

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИНИЯ

Фред
Паронуцци

10 и 3/4

Фред Паронуцци

10 лет и 3/4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150402
Паронуцци Ф. 10 лет и 3/4: Флюид / FreeFly; 2005
ISBN 5-98358-046-9*

Оригинал: FredParonuzzi, "10 ans 3/4", 2003

*Перевод:
Мария Блинкина-Мельник*

Аннотация

Эта книга – забавный путеводитель по миру взрослых, где в роли гида – задорный французский мальчишка. Он рассказывает обо всем на свете – без недомолвок и запретных тем – так, как это видится с высоты его 10 и 3/4 лет.

С детской прямоотой рассуждает он об устройстве мира, о политике и экономике, о людях разных национальностей и разного достатка, о древнейших профессиях и о том, «как стать новым сыном великой страны». О себе, о семье, о друзьях и соседях... О мире, который непрестанно учит его жизни. В том числе и на таких примерах, «когда страшенький дядечка отхватывает себе красивую тетечку, и ему потом всю жизнь приходится быть начеку...» И ведь не поспоришь...

Свои смешные и трогательные истории автор адресует взрослым, живо рисуя картинки, которые становятся отправными точками в жизни каждого человека. Все мы родом из детства.

Эта книга поможет вам взглянуть на себя со стороны. Глазами человека, только начинающего жить. Когда все внове, голова не забита штампами, а восприятие свежо и непосредственно. Не правда ли, интересно узнать, что ОНИ о НАС думают?

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

5

34

Фред ПАРОНУЦЦИ

10 ЛЕТ И 3/4

Посвящается маме и памяти папы

У нас в семье Фалькоцци воскресную мессу не жалуют: вместо молитвы мы отправляемся на пробежку.

Любовь к бегу у нас в крови. Мы унаследовали ее от дедушки Бролино.

А дедушка Бролино – это отдельный разговор, скажем прямо, особая история. В смутное время он бежал из Италии: это такая страна по ту сторону гор, где по-французски говорят с диким акцентом, – вы бы послушали, например, как лопочет мать Жожо Баччи, ни слова не разберешь – так вот, они у себя в Италии все так разговаривают, а кроме того, они там изобрели равиоли и фашизм.

У главного изобретателя этой напасти была фамилия Муссолини (звучит как ванильный мусс!), а имя – Бенито (шоколадный торт!), только сам он был лысый и много из себя воображал, а выглядел совсем неаппетитно – я видел его рожу в кинохронике. Он страшно гордился собой: я, мол, изобрел эту замечательную штуку, «фашизм» называется, а

сейчас вот еще пукну выше собственной жопы, мало не покажется... В общем, сами понимаете, что это был за тип.

В силу каких-то причин фашисты не слишком взлюбили дедушку Бролино, и ему пришлось во весь опор мчаться по ковбойскому сапогу на карте мира, а не то он оказался бы под его каблуком и был бы размазан по земле на манер пиццы. Говорят, что виной всему послужил конфликт черных рубашек и красных идей. Нечто похожее случается у муравьев, только у них всегда побеждают красные. Короче, все эти истории о несовпадении вкусов и войне гардеробов кажутся мне запутанными и, по правде говоря, дурацкими.

Итак, дедушка прыгнул в гондолу и поплыл прочь из Венеции, в ускоренном режиме – времени петь «Тутти фрутти», аккомпанируя себе на мандолине, у него, сами понимаете, не было. Он работал веслами изо всех сил (рельефные мускулы дедушки мы по сей день можем лицезреть на фотографиях той эпохи), попутно посылая морскую болезнь ко всем морским чертям и подбрасывая на волнах влюбленных, которые, в отличие от него, оказались на воде по доброй воле, романтизма ради. Единогласно присуждаю дедушке Бролино золотую медаль за лучший результат в заплыве «Восемьсот метров на гондоле».

Конечно, в наши края дедушка добрался уже без гондолы, во избежание проблем с таможней. После скоростного заплыва он перешел на бег, благо багаж его не слишком отягощал. Времени на сборы у дедушки Бролино не было: когда

тебя настигает фашизм, не то что вещи упаковать, трусы поменять не успеешь.

Поначалу дедушка не питал особой страсти к бегу, она зародилась в процессе перемещения. Вероятно, способности к легкой атлетике были заложены в нем изначально, просто Бенито их подстегнул. Черные рубашки гнались за ним по пятам, и мой стремительный предок, не сбавляя оборотов, несся в сторону своей новой родины, которая, ухмыляясь, приветствовала его на финише. Галльские носы за версту учуяли, что от дедушки разит Италией, супом минестроне и дикостью.

Дедушка Бролино предстал перед таможенниками после четырехсоткилометровой пробежки, и если вы думаете, что в тот памятный момент от него исходил аромат мыла «Душистое», то вы ошибаетесь. Я представляю деда с голым торсом на фоне Монблана. В импровизированной сумке из носового платка лежит сложенный вчетверо свитерок – комфорт и гигиена для нашего спортсмена. Вокруг черное облако итальянских мошек – крылатые болельщицы пересекли границу вслед за своим кумиром. Дедушка Бролино у заветной черты – нечто среднее между Чарли Чаплином и Аланом Милуном¹.

У нас в Альпах полно гор: любителям зимних видов спорта есть где разгуляться. Изначально наши горы были не слишком приспособлены для спортивных забав. Сегодняш-

---

¹ Победитель Мельбурнской Олимпиады 1956 года в марафонском забеге.

ним лыжникам и в голову не приходит, какие отважные храбрецы прокапывали туннели и прокладывали дорожки на альпийских склонах. Дедушка Бролино оказался в нужное время в нужном месте, и эту ответственную задачу доверили ему.

Те, кто давно не обедал, не слишком разборчивы в выборе места работы и за чисто символическое вознаграждение готовы вручить свою профессиональную судьбу первому встречному доброжелателю. Клянусь своим тигровым агатом – и если я вру, то не смотреть мне больше на трусы нашей учительницы и на все, что под ними виднеется, – клянусь, что мой предок прорыл в горах больше дыр, чем целая популяция вануазских ² сурков.

Позднее дедушка стал нашим семейным Фризон-Рошем ³ (не сочтите за бахвальство!): он снабжал всем необходимым обитателей высокогорных домишек, совершавших альпинистские подвиги на отвесных склонах.

Экспедитор менее популярен, чем альпинист, потому как несет на своем горбу восемьдесят килограммов всякого добра и, стало быть, выглядит не слишком эстетично, да и мировой рекорд при такой нагрузке вряд ли побьешь. Его удел – тащить вниз по склону мусорный контейнер и доставлять продовольствие по заказу сторожа-хранителя альпинистского городка. Сторож тоже персонаж не шибко фо-

---

² Вануаз – национальный парк в Альпах.

³ Знаменитый писатель, чье творчество посвящено Альпам и альпинизму.

тогеничный: помешивает фондю, выбивает ковры, все равно что мать семейства.

Дедушка рассказывал папе, что никогда не сможет забыть карусельное кружение свирепых голубовато-белых ледников, их зловещие стоны и торчащие кверху клинки гор, которые, казалось, вот-вот продырявят небо. Даже по ночам, во сне, он видел отвесные вершины и непрерывно слышал глухой альпийский гул...

Всякий вам подтвердит, что итальянцы – прирожденные строители. Это у них в крови. Вот и дедушка Бролино устроился в конце концов каменщиком. Его немедленно запихнули в грузовичок и отправили на плато д'Асси⁴ воздвигать туберкулезные санатории. Звучит красиво, но на самом-то деле обитали в этих заведениях чахоточники, а не прелестные барышни с большими сиськами: Мэрилин Монро, к примеру, чахоточной не была. Тамошняя публика целыми днями кашляла и сплевывала в специально отведенные места. Если бы я позволил себе нечто подобное, мне бы досталось от родителей.

В санаториях иногда случаются романы... Однажды и дедушка впервые увидел бабушку, сидящей в шезлонге с плевательницей на тумбочке и склянкой рыбьего жира. Бабушка была начинающей чахоточницей, и она заслуживает отдельной главы.

Дедушка штукатурил стены, а бабушка, положив ноги на

---

⁴ Горный массив в Верхней Савойе.

грелку, беззаботно читала журнал и поплевывала. Итальянский строитель всегда мурлычет себе под нос, это всем известно, по-другому он не только работать – он жить не может. И пока дедушка трудился под ее балконом, бабушка наслаждалась экзотической песней, взмывавшей к облакам. А потом он добрался до ее этажа, и я не знаю, как рассказывать дальше, это трудно описать или объяснить, потому что это уже была любовь.

Бабушка была подобна немой пташке, которая обрела свою песенку. Я все представляю себе именно так, хотя, конечно, это не более чем мои домыслы...

Потом они уже не расставались до самой смерти, которая не заставила себя ждать.

Дедушка обитал среди строительных лесов, а бабушка в свободное от туберкулеза время работала вязальщицей в Южине⁵, городе нержавеющей стали. Они связали себя тесными узами брака. Бабушка забеременела папой, и наши голубки свили себе гнездышко за железной дорогой, на опушке леса, в котором мы, молодое поколение южинцев, строим шалаши, привязываем петарды к волосатым лапкам майских жуков и соревнуемся, у кого пиписька больше и струя длиннее. Одним словом, это очень оживленное место.

Казалось, у молодоженов все впереди, но вот неудача: кровожадные черные рубашки вместе с коричневыми вновь добрались до дедушки, и он ушел в Сопротивление, чтобы тре-

---

⁵ Городок в Савоие. Население – 7 тысяч человек.

мя годами позже, зимой сорок четвертого, угодить в фашистскую западню и подорваться на гранате.

Папа был в ту пору совсем мальчишкой, но запомнил все: своего отца в окровавленном свитере, рыдающую над ним маму и сельского священника, отдающего последние указания перед отправкой в мир иной.

Дедушка никогда не увлекался религией. Слабым движением руки он подозвал маленького сына и велел поклясться, что здоровый бег, который однажды спас его от фашизма и мог бы еще не раз сослужить добрую службу, отныне и навеки будет в почете у нас в семье.

Это был незабываемый момент, и зареванный папа, шмыгая носом, взволнованно поклялся: сказал «да» бегу и «нет» фашизму. Дедушка услышал его слова и упокоился с миром.

И с тех пор у нас в семье Фалькоцци не жалуют воскресную мессу: вместо молитвы мы отправляемся на пробежку...

Дедушкин свитер, обработанный для лучшей сохранности «Персиллом», и по сей день висит на стене в туалете между барометром в виде трубочиста и календарем «ПТТ»⁶, чтобы мы с течением времени не забывали эту историю. Срок годности у семейной реликвии давно истек, вы не представляете, как ужасно выглядят остатки свитера, – будто плащ тореадора, пронзенный быком под возгласы «Оле!».

Свитер дедушки Бролино не зря зовется реликвией, совсем как пижама Иисуса Христа. Это наша семейная святы-

---

⁶ Почта, телефон, телеграф.

ня. Папа вообще-то человек покладистый, но от воскресных пробежек отвертеться невозможно. Он дал слово, и вся семья теперь пыхтит, кроме мамочки, которая тем временем отправляется на велосипеде за своим журналом. Мама у нас блондинка, с голубыми глазами...

Нана, моя старшая сестра (вообще-то ее имя Франсуаза, но нам больше нравится называть ее Нана), тоже иногда остается дома, по техническим причинам (у женщин раз в месяц бывает что-то вроде расстройства желудка, только особого, женского), и встречает уставших атлетов воздушными пирожными. Девушки – существа хрупкие.

А Жерар, мой старший братец, наш папа и я еженедельно носимся наперегонки по ближайшему лесу, временами встречая зайцев и белок, а иногда и вовсе косуль. Мы взбегаем по склонам и спускаемся в низины. Лавируем среди лишайников, прыгаем через ручьи, обдавая друг друга брызгами, увязаем в грязи.

На финишной прямой я всегда вырываюсь вперед, от напряжения стиснув зубы, словно в олимпийской гонке. Програвшие бегут снова, а победитель спокойно бродит себе по лесу и собирает орехи, каштаны, землянику, ежевику, грибы, яблоки, вишню, малину или совсем ничего, смотря по сезону.

А потом мы возвращаемся домой, и папа своим сильным и красивым голосом исполняет нам первый номер итальянского хит-парада:

Una mattina mi son'svegliato
O bella ciao bella ciao bella ciao ciao ciao
Una mattina mi son'svegliato
E ho trovato l'invasor' (...)
Mi sepellirai lassu'n montagna
O bella ciao bella ciao bella ciao ciao ciao
Mi sepellirai lassu'n montagna
Sotto l'ombra d'un bel fior (...)
Quest'e il fiore della Rosina
O bella ciao bella ciao bella ciao ciao ciao
Quest'e il fiore della Rosina
Morta per la liberta

Это песенка Розины, молодой девушки, погибшей за свободу. Удивительно красивая песня...

Если на улице идет дождь, мы занимаемся армрестлингом, а Жерар отжимается с грузом на спине, чтобы стать мускулистым и соблазнительным, причем в роли груза обычно выступаю я.

Зимой мы катаемся с горки: стремительно несемся по склону, будто велосипедисты по ущелью Мадлен⁷. Папа смастерил специальные пятиместные санки, и надо видеть, как семейство Фалькоцци на полной скорости слетает с трамплина и все кричат одновременно, а шапки ближе к финишу уже несутся сами по себе – такого вы не увидите даже в цирке

---

⁷ Один из этапов «Тур де Франс»

Барнума!

В школе некоторые завистники говорят, что у нас не все дома, но мне на них наплевать: у меня есть свои друзья.

Вот, например, Азиз Будуду. Он вообще-то верит в Бога по-своему, поэтому наши отношения с Христом его совершенно не волнуют. Азизу тоже нравится идея бегать назло фашизму, правда, ему приходится срезать углы – мешает избыточная масса тела. Впрочем, в финальной гонке я все равно выхожу победителем, даже несмотря на то, что теперь с нами бегают Ноэль.

Вас это удивит, но черные не всегда бегают быстрее всех...

* * *

Ноэль – это первый цветной человек, которого я увидел живую. Я прекрасно помню, как это произошло. Он стоял у доски, рядом с учительницей, весь совершенно черный.

– Дети, – сказала нам мамзель Петаз, – хочу вам представить вашего нового товарища, который приплыл из Африки... Как тебя зовут, дружок?

– Ноэль, – ответил мальчик.

И тут мне стало смешно, потому что еще даже Дня Всех

Святых не было, так что парень явно идет с опережением ⁸, но вслух я решил не острить.

– Сейчас мы подвинем аквариум, и ты сядешь рядом с Фредериком, – сказала учительница. Поинтересоваться моим мнением она забыла.

Уу... Предложение училки мне страшно не понравилось. С чего это она решила передвинуть аквариум? Мне не хотелось выглядеть грубияном, особенно в глазах иностранца из Африки, но разлучать меня с Идефиксом ⁹ и Джоли Джампер ¹⁰, красными рыбками, которых я собственноручно кормил после уроков, это уже слишком. Ведь не случайно эти зверюшки светятся здоровьем, я же, черт возьми, заботился о них, и притом совершенно бескорыстно!

Возмутиться вслух я не решился, а учительница тем временем поставила аквариум возле книжного шкафа и придвинула к моей парте еще одну – для Ноэля. Можете представить, какую гримасу я соорудил в знак протеста против попрания моих гражданских свобод!

Потом мы повторяли таблицу умножения до семи, и оказалось, что мой новый сосед знает ее наизусть. Он сразу поднимал руку, чем несказанно меня бесил: всем было известно, что по математике я прочно закрепил за собой второе

---

⁸ День Всех Святых (Toussaint) отмечается у католиков первого ноября, а мальчика зовут в честь Рождества (Noel).

⁹ Собака Обеликса, легендарного героя комиксов.

¹⁰ Героиня комиксов, умная лошадь.

место, после Азиза, и, если этот новенький окажется умнее меня, я стану третьим – не слишком ли много страданий для одного дня?

Я волновался за Идефикса и Джоли Джампер, которые, небось, подумали, что я умер, и от сознания потери горько рыдали в своем аквариуме, – сквозь толщу воды выражения их лиц не просматривались, но я очень живо себе это воображал. Я телепатировал, не жалея сил, глаз не сводил с аквариума и в результате получил нагоняй от мамзель Петаз, которая, оказывается, уже две минуты и тридцать секунд спрашивала меня про семью восемь.

В тот день мне вообще не везло...

На перемене весь класс обступил Ноэля, чтобы узнать, откуда он приехал. А я назло им пошел играть в шары под каштанами. И всем было на меня наплевать.

Четыре дня я специально его не замечал, хотя жил он в нашем доме на первом этаже и мы каждое утро одной дорогой направлялись к знаниям, но по отдельности.

В пятницу вечером я пошел гулять с нашим Псом (мы его прямо так и зовем – Пес), который уже на лестнице испускал удушающие газы. Мне было поручено набрать мазута для печки, и, честно говоря, было страшно, потому что подвал у нас очень темный. Никогда не знаешь, что именно свалится тебе на голову в этом сомнительном месте, ситуация грозит выйти из-под контроля, и вездесущие силы зла уже притаились за дверью, готовые наподдать вам коленом в первичные

половые признаки. Но делать было нечего, настала моя очередь идти за мазутом...

Я повел Пса выгуливаться на фрагменты лужайки, обрамляющие бельевые веревки, – справлять нужду. Пес такой старый, что уже не помнит, чего именно ему хочется, и на всякий случай задирает лапку, а оттуда может и струйка потечь, и кое-что погуше. Иногда он долго трудится, и что-то в нем гудит, булькает и никак не выходит. И, конечно, заигрывать с девушками, которые проезжают мимо на велосипедах, в этой ситуации непросто. Ну что поделаться, Пес не виноват, что вышел из строя.

И вот в ту пятницу на углу дома появился Ноэль со своей собакой, которая выглядела еще хуже нашей: она даже ходить нормально не могла – ее задняя половина лежала на тележке.

– Привет, – сказал Ноэль.

– Привет, – ответил я, как воспитанный человек. Ноэль посмотрел на Пса – тот пукал и никак не мог отважиться на большее.

– У нас в Африке говорят: «Любишь собак, люби и блох», – заметил он.

– У нас в Савойе ничего такого не говорят, но я, кажется, понимаю, что они имеют в виду, – ответил я, чтобы не показаться глупым. – А у твоего зверюги что не в порядке?

– У него задница парализована, – объяснил Ноэль, – поэтому мой папа смастерил ему тележку для задницы. Его зо-

вут Кили.

– Ух ты, – воскликнул я. – Это в честь Жана-Клода Кили¹¹, который выиграл три золотые медали в лыжном забеге?

– Да нет, – ответил он. – Мы его просто так назвали, для красоты. Я плохо разбираюсь в лыжниках, никогда не катался.

– Никогда не катался на лыжах? – удивился я. – И на подъемнике не ездил? И Фризон-Роша в Африке тоже не читают?

– Ну не знаю, я был маленьким, когда мы оттуда уехали, мы еще потом жили в Виллербане¹². Но я бы его с удовольствием почитал, – добавил он.

– Ты бы мне сразу сказал, – с готовностью подхватил я. – Как это так, не читать Фризон-Роша!

– Ну спасибо тебе, я почитаю, – ответил он.

А потом он улыбнулся, и я уже не мог на него дуться, потому что в его зрачках заблестели огоньки, на подбородке образовалась ямочка и засверкали ослепительно-белые зубы, без единой дырки, не то что мои, пломба на пломбе, – меня можно к потолку примагнитить, как поросенка в мясной лавке.

В эту минуту Пес предложил Кили понюхать свои тестикулы, тот чихнул и разразился жидким стулом. И мне стало смешно, потому что Ноэль разозлился и начал ворчать, что эта грязная псина могла бы подождать, пока ее задницу до-

---

¹¹ Легендарный французский горнолыжник.

¹² Городок во Франции.

станут из тележки, – он как-то враз позабыл африканскую поговорку про любовь к собакам и блохам.

Мы очистили тележку листьями салата из садика нашей консьержки, мадам Гарсиа, а потом я рассказал Ноэлю, как однажды засунул в собачью миску вместе с остатками обеда бабушкин слуховой аппарат и как мне страшно влетело, когда Пес его съел. А потом нужно было внимательно наблюдать, что выходит из его задницы, и даже помешивать специальной палочкой, потому что эта штучка оказалась сногшибательно дорогой. Так продолжалось три дня, потому что у Пса случился запор, а когда аппарат наконец-то оказался, он был весь пожеванный, и промыть его тоже было нельзя, потому что он сложно устроен. Папа тогда сказал, что было бы некрасиво надеть бабушке аппарат, от которого разит собачьим дерьмом, и мне пришлось покупать новый, из собственных сбережений.

Ноэль хохотал так, что у него слезы потекли по щекам.

Потом я показал ему стройплощадку, где старшие мальчики целовали девочек языком и лапали под лифчиками, и вспомнил, как братец Жерар с другом Деде каждый год под видом маляров приходили красить трансформатор перед домом мадам Фабрюи, которая все лето загорала на веранде совершенно голая, и, макая облезлые кисти в пустой бидон, разглядывали ее волосатую сумочку.

– А что же муж этой тетечки? – поинтересовался Ноэль. – Он не ревнив?

– Еще как ревнив! – ответил я. – Он хуже мандавошки – всюду за ней увязывается. Братец Жерар говорит, что, когда страшенький дядечка отхватывает себе красивую тетечку, ему потом всю жизнь приходится быть начеку...

Ноэль слушал меня внимательно, не перебивал. Только ресницы его длиннющие временами шевелились, словно два крошечных веера.

И я подумал: как это замечательно, что у меня появился новый друг. И мы даже пожали друг другу руки на прощанье и договорились, что завтра я принесу ему почитать Фризон-Роша и что в понедельник мы вместе пойдем в школу и еще я научу его карабкаться вверх по берегу Мутной речки, а он пригласит меня на мамин пирог с черносливом.

В тот вечер подвал показался мне менее страшным, чем обычно. Стоя под тусклым окошком, я наполнил канистру мазутом, не спуская глаз с двери, которая все норовила самопроизвольно захлопнуться. Наверное, однажды силы зла возьмут свое, я окажусь в удушливом плену и, с трудом набрав в грудь кислорода, из последних сил призову на помощь все семейство Фалькоцци...

* * *

Ура, получилось: я не дышу. Я закрываю глаза. Мои согнутые коленки, накрытые одеялом, образуют маленький вигвам, одноместный, для холостого индейца. Надо преду-

предить Большого Сахема, а не то этот грязный макаронник, генерал Кюстер, снимет с меня скальп. Как бы мне огненными сигналами изобразить SOS?

Слово «макаронник» я впервые услышал однажды в четверг, вернувшись из школы. Я вообще заметил, что самые полезные слова, в отличие, скажем, от вшей или двоек по математике, подхватываешь не в школе, а в других местах (за исключением разве что «аэроплана», «Занзибара» и «сомбреро»).

Я входил в дом, когда мадам Гарсиа, наша усатая консьержка (ничто так не портит женщину, как усы!), проревела, что Жожо Баччи – маленький вонючий макаронник. Тот тем временем, стоя под окном, демонстрировал ей свою спагеттину. Мадам Гарсиа – чемпионка по сквернословию, такого богатого лексикона во всем квартале не сыскать. Нужные словечки так и сыплются – только успевай запоминать.

По-моему, «макаронник» – сильное ругательство. На уровне интуиции (любимое папино выражение: он, когда не знает, как ответить на мой вопрос, всегда говорит: «Видишь ли, на уровне интуиции...») я поместил макаронника сразу после «мешка дерьма», любимого ругательства моего брата. Жерар, например, относит велосипед в гараж, поднимается домой и спрашивает: «Что поделываешь, мешок дерьма?» Но это он так, скорее, для смеха...

Мысль научиться не дышать подал мне Казимир, карликовый кролик-альбинос, который поперхнулся кусочком бана-

на. Братец Жерар тогда попытался меня утешить: «Видишь, эта твоя крыса даже жрать по-человечески не умеет, чего тут переживать, когда такое существо недоделанное...»

Короче, я пытаюсь не дышать. Это непросто, потому что легкие у меня развиты куда лучше, чем у несчастного Казимира: мы купили пластиковое колесо, такой специальный тренажер для грызунов, но бедняга физкультурой пренебрегал. Живи он дольше, как, например, Эдди Меркс¹³, все равно не видать ему пьедестала почета и «Тур де Франс» у прочих кроликов-альбиносов, увы, не выигрывать...

Мы обнаружили Казимира лежащим на спине, словно бабулька в шезлонге на Лазурном берегу. Резцы его пожелтели, лапка безвольно повисла в поилке, глаз помутнел, и в застывшем взгляде читалось: «Какой же я кретин! Любая ма-кака может справиться с бананом, а я поперхнулся, грызун, называется». И он посмертно выглядел смущенным.

– Мне кажется, у ребенка стресс, – прошептала мама папе на ухо.

Ребенок – это, конечно, я, и, поскольку мама за ужином непрестанно на меня поглядывала, как бы незаметно, уголком глаза, чтобы не пропустить признаков стресса, я с невозмутимым видом елозил вилкой по морковному пюре, и оно ужасно противно хлюпало, а я еще специально выпячивал нижнюю губу.

---

¹³ Великий бельгийский велогонщик, многократный победитель «Тур де Франс».

– Что-то сегодня плохо идет, сам не знаю почему, – очень взрослым голосом пояснил я.

Мама вскочила с места.

– Так я и знала! – запричитала она. – Морковка напомнила ему о печальном событии. Это психосоматическая реакция, как бы еще температура не поднялась...

Я был страшно горд за Казимира: как-никак его провозгласили «событием». Я его даже зауважал. Градусник в очко просто так у нас в семье никому не суют, это уже не шуточки.

Мама отвела меня в ванную, встряхнула над раковиной градусник и намазала его вазелином, чтобы лучше вошел.

– Сними штанишки, милый.

– А в фильмах градусник всегда вставляют в рот.

– Ну, мы же не в фильме.

– И в «Маске Зорро», помнишь, вчера...

Тут мама вздохнула так глубоко, что мое красноречие вмиг иссякло. Я испугался, что она меня и впрямь сейчас травмирует, не психосоматически, а по-настоящему.

Термометр показал 37.1, и с этим мы вернулись на кухню.

Папа доедал рисовый пирог, рот у него был полный, поэтому он вопросительно качнул подбородком: ну, что там? А мама в ответ взмахнула ресницами: ничего страшного.

– Поешь что-нибудь другое, цыпленочек? – ласково спросила она.

Братец Жерар и сестренка Нана ехидно переглянулись: Фредо разыгрывает античную драму, а мамочка верит и тря-

сется за своего младшенького...

Я был страшно голоден, но, не желая ударить лицом в грязь, от основного блюда отказался и ограничился десертом: флан под карамельным соусом с вафельной трубочкой, подобной американскому флагу на нормандских дюнах. Я клевал десерт с видом великомученика, совсем как дядюшка Эмиль в больнице...

– Мамочка, – попросил я, – можно мне сегодня вечером посмотреть вестерн по телевизору? В педагогических целях. Нам как раз задали про индейцев...

Педагогика – это почти так же круто, как психосоматика, особенно в устах умирающего, но семейство Фалькоцци почему-то дружно взбунтовалось против моей последней воли. Даже мама, которая любит меня всем сердцем, круглосуточно, без перерыва на рекламные паузы, – и та посмотрела на меня с недоверием: похоже, мальчик мне лапшу на уши вешает.

– В твоём нынешнем состоянии это крайне неразумно, милый. Завтра в школу, тебе надо пораньше лечь, чтобы быть в форме.

– Ну мам...

– Крайне неразумно...

И пришлось мне отправляться напрямиком в постель, даже викторину в восемь часов не дали посмотреть, где все так сложно, «да и нет не говорить», а арбитр Капелло похож на лягушку.

Умереть мне не удалось, но другой напасти я не избежал: выяснилось, что у меня до сих пор не опустились яички.

Я не слишком закомплексован, но более постыдной болезни нарочно не придумаете: я просто не знал, куда деваться! Моя прошлая встреча с медициной была куда приятнее: я мчался на велике за цирковой труппой «Чингисхан» и врезался в телеграфный столб. У них там был бурый медведь на трехколесном велосипеде, красotka акробатка на слоне, зеленый клоун на верблюде и машина, разукрашенная во все цвета радуги. Звучала бравурная музыка. Южинцев приглашали расслабиться и посмотреть великолепное представление ровно в три часа на рыночной площади.

Красotka (честное слово, я не вру!) оборачивалась, говорила мне «ку-ку», а я несясь вслед за ней по тротуару и улыбался изо всех сил. Потом она приложила руку в перчатке к губам и собралась еще что-то мне сказать, а я (вот разиня!) ничего кругом не замечал – и бах!

Я очнулся на руках у клоуна. Прелестная акробатка поцеловала меня в губы. Наверное, это и есть рай. Я подумал, что мы вместе с ней отправимся в путь, будем показывать представления по всему миру, поженимся, спрыгнув с трапеции вместе с кюре, и будем вечно наслаждаться супружеской жизнью...

Увы. Меня доставили в местную больницу, и вдруг страшно разболелась голова.

На следующий день цирк «Чингисхан» отбывал, и моя первая история любви трагически завершилась, но я до сих пор вижу, как красавица циркачка склоняется надо мною и дарит поцелуй. И мне становится грустно: я ведь даже имени ее не узнал.

В один прекрасный день я вырасту до ста семидесяти шести сантиметров – ни один мужчина в нашей семье не преодолел этой отметки – и побегу за ней вдогонку, как настоящий герой, как дедушка Бролино...

По возвращении в школу я и впрямь был принят с почестями. Сам того не подозревая, я стал героем греческой мифологии пятого класса. Оказывается, Жожо Баччи наблюдал романтический эпизод с балкона третьего этажа, а потом на своем велосипеде с тремя передачами домчался вслед за мной до самой больницы.

Он, конечно, много чего приврал, Жожо, запятнал мое доброе имя – рассказал, что я целовался языком с цирковой барышней. Мы с ним потом целую неделю не разговаривали...

Зато на волне всеобщего восхищения я мог первым брать добавку жареной картошки в школьной столовой: пережитое приключение, многократно приукрашенное Жожо, возвысило меня в глазах одноклассников.

На перемене я специально приподнимал бинт, чтобы про-

демонстрировать шов с торчащими из него черными нитками, похожими на проволоку, и рассказывал, как мне вскрывали череп, чтобы проверить, не утекло ли серое вещество, и девчонки визжали от страха и восторга. Это было классно!

А неопускание яичек – совсем другое дело, почти венерическая болезнь... Пришлось соврать, что у меня в мозге остался кусочек телеграфного столба, его забыли вытащить, и теперь придется снова ложиться в больницу. Там мне вскроют скальп и исследуют череп при помощи щипцов для сахара и карманного фонаря. Эта операция настолько опасна, что осуществить ее может только светило медицины, поэтому я специально поеду в другой город.

Нашего семейного доктора в свое время не научили ставить мужские достоинства на нужные места, но зато его коллега из Гренобля проводит эту манипуляцию практически с закрытыми глазами. Наш доктор заверил меня, что если бы ему пришлось доверить собственные причиндалы кому-то помимо собственной жены, то он непременно остановил бы свой выбор на коллеге из Гренобля. (А братец Жерар смеялся и говорил, что мне отрежут яйца секатором, одно из них он возьмет на память и сделает себе кулончик.)

Мы с папой и с мамой сели в машину и поехали на прием к доктору в город Гренобль, где великий Жан-Клод Кили в 1968 году выиграл три золотые медали.

Мы мчались среди гудящих автомобилей и удушающих выхлопов. Я присматривался к зданиям по обе стороны до-

роги и наконец спросил у папы, где же они здесь устраивали олимпийскую лыжную гонку. Папа указал пальцем на белоснежные вершушки гор, облаком ванильного мороженого нависавшие над грязным городом.

– На уровне интуиции я думаю, что вон там, – ответил он, – в Шамруссе.

Потом мы потерялись, даже поехали по одному бульвару не в ту сторону, за что нам досталось от нахальных гренобльских водителей. В ответ папа опустил стекло и разразился потоком ругательств, для пущей убедительности потрясая кулаком, а мама умоляла его прекратить, потому что ребенок сидит сзади и все слышит и запоминает, в общем, ты сам понимаешь.

Мы все время оказывались на одном и том же перекрестке, который был нам вовсе не по пути. Обстановка в машине накалялась. Папа поминутно кричал: «Чертов бордель!» – и от души поносил город Гренобль со всеми его автомобилями.

В конце концов мы припарковались на подземной стоянке, прямо напротив докторского офиса. На серой стене красовалась золотистая табличка:

Доктор Эмиль Раманоцоваминоа

Общая хирургия

Дипломант университетской клиники Гренобля

3-й этаж

Мама заметила, что наш доктор, вероятно, уроженец Мадагаскара: многосложные фамилии там в ходу.

(Совсем как у индейцев, они тоже любят длинные фамилии, например вождь О-Ло-Хо-Валла или Без-Баб-Никак, и имена у них тоже многосложные и очень смешные.)

Папа позвонил, дверь открыла невеселая дама, которая провела нас в приемную, где было много стульев и стол, заваленный журналами на женские темы. Я откопал статью про крем, улучшающий форму груди и ягодиц. Там было много иллюстративного материала, так что я совсем забыл, зачем мы сюда приехали. Девушки на фотографиях, на мой взгляд, совершенно не нуждались в улучшении форм, но я бы не отказался собственноручно натереть их чудодейственным кремом...

Потом на пороге кабинета возник Эмиль Раманоцоваминоа и объявил:

– Мсье и мадам Фалькоцци и маленький Фредерик, прошу вас следовать за мной.

Доктор был почти совсем лысый, уменьшенная копия Бенито Муссолини, только смуглее. Из ушей у него свисали пластиковые трубочки под названием «стетоскоп», круглый живот выпирал из рубашки, как сдобная булочка.

Он сел за стол, и сначала нашими взорам предстал только маленький шерстистый пучок докторских волос, потом он принялся, кряхтя, вертеть ручки своего кресла и вскоре весь

всплыл на поверхность.

– Я не слишком высокий, – пояснил он, вытирая лоб платком.

Мы, конечно, уже сами это заметили и дружески улыбнулись, показывая, что рост для нас значения не имеет, главное, что он хороший специалист по яйцам.

– Я получил карту вашего сына, – добавил он, – я все прочту, и мы назначим день операции. Вы, главное, не волнуйтесь, операция совершенно не сложная.

Меня быстро раздели, и все склонились над моим рогаликом, внимая докторским комментариям.

– Расслабься, цыпленочек, – сказал доктор ласково, – ты весь напрягся. Давай-ка расслабься...

Потом медицинская наука блеснула перед нами во всей своей мощи. Эмиль Раманоцоваминоа ответил на все наши вопросы, даже продемонстрировал схемы. Наконец он спросил, не беспокоит ли меня что-нибудь еще, и я спросил, не приходилось ли ему оперировать великого Жана-Клода Кили на предмет неопускания яичек.

Доктор смеялся так, что ему даже пришлось снять запотевшие очки и вытереть их платком. Его смех был настолько заразителен, что мы все захохотали вслед за ним, просто покатывались со смеху. Доктор Раманоцоваминоа содрогался всем телом, будто это был его первый и последний шанс посмеяться вволю и он хотел воспользоваться им сполна. Он придерживал обеими руками живот, словно старого друга, с

которым хотел поделиться нахлынувшим весельем. На глазах выступили слезы, виднелись коренные зубы.

Это был лучшей комический номер в моей жизни.

Через некоторое время нам пришлось успокоиться, потому что другие пациенты тоже листали журналы на женские темы и им не терпелось поскорее зайти в кабинет и продемонстрировать свои мужские достоинства. Доктор проводил нас к выходу и пожал всем руки, включая меня.

– Да, ты крут, – сказал он.

На лестнице папа заметил, что он просто душка, этот доктор по интимной части, и что его слава вселяет оптимизм, но папе легко говорить, у него, прошу прощения, все причиндалы на месте.

Время было не позднее, и, чтобы утолить мои не по возрасту тяжкие печали, родители предложили немного развеяться. Мама вспомнила про канатную дорогу с тремя яйцевидными прозрачными кабинками, которые проносятся над рекой Изер.

– Кажется, наверху есть ресторан, мы можем поесть там мороженого, да и вид оттуда, должно быть, великолепный.

Папа сказал, что идея замечательная и, похоже, весь день у нас сегодня проходит под знаком яиц. Мы разглядывали витрины, и мама запала на женскую обувь.

– Вы не возражаете, если я загляну в магазин? – спросила она.

Вопросительная интонация была чистой условностью, мы

с папой сразу поняли, что нашего мнения никто не спрашивает, и расположились на оранжевых пуфиках, перед которыми продавец вывалил половину магазина.

Глаза у мамы разбежались.

– Вон те, с бахромой, неплохие, – комментировала она, – но коричневые мне нравятся больше... А бежевые очень маркие и не ко всему подходят...

Ботиночный продавец смотрел в потолок, почесывая задницу, а я спросил у папы, когда же мы отправимся на канатную дорогу. Папа вздохнул и призвал маму побыстрее сделать свой выбор, потому что ребенок уже весь измаялся, да и он сам, честно говоря, тоже.

Мама ответила, что раз так, то, конечно, давайте немедленно покинем магазин и ничего не купим, в кои-то веки куда-то выбрались и вот теперь уходим с пустыми руками, люди жестоки и неблагодарны, но что поделаешь.

Выйдя на улицу, мы старались не встречаться с ней глазами: это была война.

– Так мы идем на канатную дорогу? – спросил папа.

Мама ответила, чтобы мы сами решали и поступали, как считаем нужным, а она никому не хочет быть в тягость.

Папа заметил, что при сложившихся обстоятельствах было бы разумнее вернуться домой, но я возмутился и потребовал обещанное мороженое.

Папа проворчал, что день выдался хреновый, хреннее некуда, и спросил у тетеньки в тапочках, которая выгуливала

кудрявую собачку, где тут у них канатная дорога.

– А вон там, видите, где канаты ? – ответила тетенька в тапочках. – Вот туда и идите.

Она все время улыбалась, тыкала пальцем в горизонт и, судя по всему, была просто счастлива оказать нам услугу, а ее собака между тем писала на колеса проезжающих автомобилей.

Мы пересекли сквер, где детишки катались на санках, и зашли в квадратное строение. Папа купил у однорукого дядечки три билетика. Мы сели в кабинку. Напротив расположились три китайца: девочка и два мальчика. Таким образом, все места в кабинке оказались заняты. Мы поднялись наверх и поплыли над набережной. Кабинка качалась и скрипела, словно устала работать и просилась на пенсию, казалось, мы сейчас сорвемся и полетим в речку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.